

ЖАННА МЕЛЬНИКОВА

ТАМ, ГДЕ РЕКА
ЗАБИРАЕТ ПРОШЛОЕ
СЕРДЦЕ ВЫБИРАЕТ
ЛЮБОВЬ.

КРОВЬ БЕРЕГА

КОГДА ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ ПАМЯТИ,
НИ ОДНА РЕКА НЕ СТАНЕТ ПРЕГРАДОЙ.

Жанна Мельникова

Кровь берега

«Автор»

2026

Мельникова Ж.

Кровь берега / Ж. Мельникова — «Автор», 2026

На севере, где реки темнее ночи, а леса хранят древние тайны, любовь не бывает простой. Мирослав приходит в чужую землю, чтобы найти пропавшего брата. Но вместо ответов он встречает её — Яру. Девушку с глазами, в которых живёт вода, и с тишиной, в которой прячется нечто опасное. Она знает больше, чем говорит. Она ближе к реке, чем к людям. И именно к ней его тянет — сильнее разума, сильнее страха. Между ними — огонь и холод. Желание и запрет. Любовь, которая рождается там, где должна была быть только смерть. Но у каждой реки есть своя цена. И когда правда всплывёт, Мирославу придётся сделать выбор: отомстить за кровили сохранить то, что оказалось сильнее судьбы. Потому что иногда любовь не спасает. Иногда — она требует всё.

© Мельникова Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Жанна Мельникова

Кровь берега

Глава 1

Чужой на берегу

Дорога на север всегда была долгой.

Не потому, что вёрсты там тянулись дальше, чем в других землях. И не потому, что весенняя распутица жадно засасывала колёса и копыта в чёрную, липкую грязь. Нет. Просто север не любил чужих. Он впускал неохотно, медленно, будто приглядывался к каждому, кто осмеливался углубиться в его тёмные леса, серые реки и молчаливые деревни.

Мирослав ехал уже третий день.

Под копытами его вороного жеребца хлюпала талая жижа, из-под снега проступала сырая земля, тяжёлая и чёрная, как зола после пожара. Ветки елей нависали низко, цеплялись за плащ, царапали плечи, словно пытались задержать, шепнуть на ухо: **поверни назад**.

Он не повернул бы.

Даже если бы сам лес заговорил человеческим голосом.

Мирослав сидел в седле прямо, почти неподвижно, как человек, давно привыкший к дальним дорогам, холоду и усталости. На нём был тёмный дорожный кафтан, поверх — тяжёлый шерстяной плащ, напивавшийся влагой. За спиной висел лук в кожаном чехле, у пояса — нож, короткий, удобный, не для красоты, а для дела. На левом запястье — старый кожаный ремешок, истёртый почти до белизны. Его он не снимал никогда.

Лицо у него было жёсткое. Красивое — если любить мужскую красоту не гладкую, а настоящую, с острыми скулами, упрямым ртом и прямым, тяжёлым взглядом. Тёмные волосы, почти чёрные, падали на лоб, и от сырости завивались сильнее обычного. Небритость делала его старше своих лет, а шрам у виска — опаснее. Он был высоким, широкоплечим, двигался без суеты, но в каждом его жесте чувствовалась сила, которую он не любил показывать зря.

В людных местах женщины часто смотрели на него дольше, чем следовало.

Мужчины — настороженнее.

А он давно привык ни тех, ни других не замечать.

Сейчас его занимало только одно.

Яромир.

Младший брат.

Его последний след оборвался где-то здесь, среди северных деревень, стоящих у холодных рек и чёрных лесов. Мирослав знал о пропаже немного: брат появился в этих местах ранней весной, задержался дольше обычного — а потом исчез. Не вернулся. Не дал весточки. Не прислал ни записки, ни человека, ни знака.

На Яромира это было не похоже.

Он мог ввязаться в драку. Мог проиграть деньги. Мог соблазнить чужую невесту и уехать ночью, пока жених искал топор. Но исчезнуть бесследно — нет. Никогда.

Поэтому Мирослав ехал.

Не потому, что верил в дурные предчувствия.

А потому, что слишком хорошо знал: когда человек вроде Яромира замолкает, значит, случилось что-то по-настоящему плохое.

Он приподнял голову и посмотрел вперёд.

Лес наконец разошёлся. Между стволами показался серый просвет, а за ним — деревня. Небольшая. Притихшая. Прижавшаяся к берегу широкой реки, которую отсюда пока было не видно, но уже можно было почувствовать — влажным холодом в воздухе, запахом тины и талой воды.

Избы стояли низкие, тёмные, будто вросшие в землю. Из труб тянулся дым. Дворы были пусты. Не лаяли собаки, не кричали дети, не стучали топоры. Слишком тихо для дневного часа.

Мирослав сжал поводья.

Тишина ему не понравилась.

Когда он въехал на единственную улицу, несколько человек всё же показались: старуха с коромыслом, мальчишка лет десяти у сарая, худой мужик с вязанкой хвороста. Все трое посмотрели на него быстро и одинаково — сначала с любопытством, потом с насторожённостью. И так же быстро отвели глаза.

Чужаков здесь не любили.

И, похоже, боялись не только их.

Мирослав спешил к самой большой избы на краю улицы. Не дворец, конечно, но видно было, что здесь живёт кто-то главный: крыша перекрыта свежей дранкой, крыльцо не завалено снегом, у дверей — крепкая лавка, не сгнившая от сырости.

Он привязал коня и постучал.

Один раз.

Потом второй.

Изнутри долго никто не открывал. Наконец за дверью послышались шаги и кашель. Засов скрипнул.

На пороге показался старик. Высохший, как корень, седой, с резкими складками у рта и глазами, блеклыми, но внимательными.

— Чего надо? — спросил он без приветствия.

— Человека ищу, — ответил Мирослав.

Старик молчал.

— Брата моего. Яромиром зовут. Высокий, русский, шрам на щеке. Сказывали, был здесь.

На лице старика ничего не дрогнуло.

Мало ли кто здесь был, — сказал старик и чуть прикрыл дверь плечом.

— Мало ли, — спокойно согласился Мирослав. — Только не всякого потом ищут по трём уездам.

Старик прищурился, изучая его внимательнее. Взгляд скользнул по лицу, задержался на шраме у виска, на руках — сильных, обветренных, с побелевшими костяшками. Потом — на глазах. Там он задержался дольше.

— Ты, видно, из тех, кто не уходит, — тихо сказал он.

— Из тех, кто возвращает, — ответил Мирослав.

За дверью, в глубине избы, что-то негромко стукнуло. Как будто кто-то задел лавку или поставил кружку слишком резко.

Старик на мгновение обернулся через плечо.

И в этом коротком движении Мирослав понял: там, внутри, знают больше, чем хотят сказать.

— Заходи, — наконец сказал старик и отступил.

Изба встретила теплом и тишиной.

Жар от печи стоял густой, вязкий, почти тяжёлый. В нос ударил запах дыма, сушёных трав и кислого теста. Свет был тусклый — из маленького оконца и от лампы в красном углу.

У стола сидела женщина — худощавая, с тёмным платком, натянутым до самых бровей. Руки у неё были узкие, с тонкими пальцами, но сильные — такие руки не боятся работы. Она держала ложку, но не ела — просто смотрела на Мирослава.

На лавке у окна сидела девочка лет двенадцати. Она перебирала шерсть, но пальцы её замерли, стоило ему войти.

Все трое молчали.

Мирослав закрыл за собой дверь.

— Садись, — сказал старик.

Мирослав снял плащ, стряхнул с него воду и положил у порога. В избе стало ясно видно его рост — он был выше старика на голову, и шире в плечах почти вдвое. Он сел на лавку, но спину не прислонил — сидел прямо, готовый в любой момент встать.

— Теперь говори, — сказал он.

Старик медленно опустился напротив.

Женщина чуть отвернулась, но слушала.

— Был здесь такой, — сказал старик. — Похожий на того, кого ты ищешь.

Мирослав не отвёл взгляда.

— Когда?

— Неделю назад. Может, больше.

— Один?

— Один.

— Что делал?

Старик провёл ладонью по столу, будто собираясь с мыслями.

— Спрашивал.

— О чём?

Пауза.

— О реке.

Мирослав чуть наклонился вперёд.

— О какой?

Женщина у печи тихо вздохнула.

— О той, что за деревней, — сказал старик.

— И что ему сказали?

— То же, что скажу тебе: туда не ходят.

— Почему?

Старик посмотрел прямо на него.

— Потому что возвращаются не все.

— И он пошёл, — тихо сказал Мирослав.

Старик кивнул.

— Пошёл.

Тишина.

Огонь в печи треснул громче.

— Кто его видел в последний раз? — спросил Мирослав.

Женщина у стола резко подняла глаза.

Старик заметил это.

— Говори, — сказал он ей.

Она сжала губы.

— Я видела, — тихо сказала она. — Вечером. Он шёл к реке.

— Один?

— Один.

— Кто-нибудь с ним говорил?

Женщина замялась.

— Он — она сглотнула. — Он будто слушал кого-то.

Мирослав нахмурился.

— В смысле?

— Будто его звали. Он шёл и прислушивался. И улыбался.

Слова повисли в воздухе неприятно.

Мирослав сжал пальцы на столе.

— Он не был дураком, — сказал он жёстко.

— Никто не говорит, что был, — тихо ответил старик. — Просто здесь люди иногда слышат то, чего не надо.

— И вы считаете, что его «позвали»?

Старик не ответил.

Женщина прошептала:

— К воде ночью нельзя ходить

Мирослав резко повернул к ней голову.

— Почему?

Она не выдержала его взгляда, опустила глаза.

— Потому что — её голос дрогнул, — потому что там иногда стоят.

— Кто?

Пауза.

— Те, кто уже не живёт, — тихо сказал старик вместо неё.

Мирослав усмехнулся, но без веселья.

— Вы сами-то верите в это?

Старик долго смотрел на него.

— Я верю в то, что видел.

— И что ты видел?

Тишина стала плотной.

Старик отвёл взгляд.

— Достаточно, чтобы не подходить к воде ночью.

Мирослав встал.

— Мне нужна изба.

Женщина резко вскинула голову.

— Ты останешься?

— Если брат мой пропал здесь — да.

Старик медленно кивнул.

— У Пелагеи на краю деревни есть пустая горница.

— Покажешь дорогу?

— Покажу.

Он поднялся, накинул тулуп и пошёл к двери.

Перед тем как выйти, обернулся.

— И ещё.

Мирослав ждал.

— Ночью к реке не ходи.

Мирослав чуть усмехнулся.

— Поздно говоришь.

Старик нахмурился.

— Уже ходил?

Ответа он не получил.

Пелагея жила на самом краю деревни.

Её изба стояла почти у леса, словно она сама не до конца принадлежала людям. Женщина была невысокая, плотная, с красными от холода руками и внимательными, тёмными глазами.

Она долго смотрела на Мирослава, прежде чем пустить.

— Ты тот, кого ищут, — сказала она.

— Меня не ищут, — ответил он.

— Не тебя. Твою беду.

Он не стал спорить.

Она отвела его в небольшую горницу. Там было просто: лавка, сундук, окно, выходящее в лес. И тишина. Слишком тихо.

— Здесь останешься, — сказала она.

— Спасибо.

Она уже собиралась уходить, но остановилась в дверях.

— Не выходи ночью.

Он устало выдохнул.

— Все так говорят.

Пелагея посмотрела на него чуть мягче.

— Значит, не просто так.

И вышла.

Вечер опустился быстро.

Сначала потемнел лес за окном. Потом исчезла дорога. Потом всё стало чёрным.

Мирослав сидел на лавке.

Не раздеваясь.

Не ложась.

Он держал в руках небольшую ткань, в которую было завернуто что-то.

Развернул.

Кольцо.

Простое. Серебряное. Потёртое.

Яромир носил его всегда.

Мирослав сжал его в ладони.

— Куда ты вляпался — тихо сказал он.

Ответа не было.

Только ветер.

Когда в избе всё стихло, он встал.

Медленно.

Спокойно.

Надел плащ.

Проверил нож.

И вышел.

Деревня спала.

Ни света. Ни голосов.

Только скрип снега под ногами.

И где-то далеко — едва слышный звук воды.

Он шёл на него.

Не торопясь.

Как человек, который уже сделал выбор.

Лес расступился.

Река открылась.

Чёрная.

Гладкая.

Неподвижная.

Луна лежала в ней, как в стекле.

И там

Она стояла.

У самой воды.

Темноволосая.

Стройная.

Слишком тихая.

Слишком настоящая.

И слишком не такая, как должна быть.

Мирослав остановился.

И впервые за весь путь понял:

брат не просто пропал.

Он пришёл туда же, куда сейчас пришёл он.

И назад уже не вернулся.

— Ты снова пришёл, — сказала она.

Голос её был тихий.

Но он услышал.

И сделал шаг вперёд.

— Я не закончил.

Она медленно повернулась к нему.

И её тёмные глаза в лунном свете стали почти чёрными.

— Тогда ты не уйдёшь, — сказала она.

И в этот момент река за её спиной дрогнула.

Как будто услышала.

Глава 2

Голос реки

Река не шумела.

Это было первое, что насторожило Мирослава.

Он знал реки — быстрые и ленивые, весенние и осенние, полноводные и умирающие. Любая живая вода говорила: журчала, билась о камни, шуршала камышом. Даже подо льдом она дышала — тихо, но ощутимо.

Здесь — тишина.

Вода лежала чёрной гладью, как зеркало, в котором не было глубины. Луна отражалась в ней слишком чётко, словно небо было под ногами, а не над головой.

И девушка у берега стояла так, будто тоже была частью этого отражения.

Мирослав не торопился подходить ближе.

Он остановился в нескольких шагах от неё, чувствуя, как холод поднимается от воды выше, чем должен. Не по коже — глубже. Как будто что-то чужое пыталось коснуться изнутри.

— Ты не из деревни, — сказал он.

Она не ответила сразу.

Смотрела на него, чуть склонив голову, будто пыталась вспомнить.

— А ты не должен был возвращаться, — произнесла она наконец.

Голос у неё был ровный, почти спокойный. Без угрозы. Без тепла.

Мирослав сделал ещё шаг.

— Я сюда впервые пришёл.

— Нет, — тихо сказала она. — Ты уже стоял здесь.

Он нахмурился.

— Ты меня с кем-то путаешь.

Девушка слегка улыбнулась. Эта улыбка не была ни насмешливой, ни доброй. Скорее — усталой.

— Я не путаю.

Она отвернулась от него и посмотрела на воду.

— Вы все сначала так говорите.

Мирослав молчал.

Слова старика, слова женщины — всё вдруг стало плотнее, тяжелее. Не сказкой, а чем-то, что слишком давно здесь живёт.

— Ты знаешь Яромира, — сказал он.

Она чуть повернула голову.

— Ты ищешь его.

— Да.

— Зачем?

Вопрос прозвучал неожиданно просто.

Мирослав ответил не сразу.

— Он мой брат.

— Это причина? — спросила она.

Он сжал зубы.

— Достаточная.

Она кивнула, будто приняла этот ответ.

— Тогда ты опоздал.

Ветер поднялся внезапно.

Лёгкий, но холодный. Он прошёлся по воде, и на мгновение поверхность дрогнула — едва заметно, словно дыхание.

Мирослав напрягся.

— Что с ним?

— Он пришёл, — сказала девушка. — Как ты.

— И?

Она опустила взгляд.

— Слушал.

Мирослав почувствовал, как внутри что-то сжимается.

— Что он слышал?

Она подняла на него глаза.

— Реку.

Он усмехнулся, но без насмешки.

— Вода не разговаривает.

— Ты уверен?

Тишина между ними стала плотнее.

Мирослав сделал ещё шаг.

Теперь он стоял почти рядом.

Он мог рассмотреть её лицо лучше.

Тёмные волосы, действительно длинные, почти до пояса. Кожа бледная — не болезненно, а как будто в ней не было тепла. Черты мягкие, правильные, но в них не было привычной человеческой живости.

И глаза.

Слишком глубокие.

Слишком неподвижные.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она помолчала.

— Здесь меня не зовут.

— А раньше?

Она не ответила.

Мирослав провёл ладонью по лицу, будто стирая усталость.

— Послушай. Я не верю в сказки. Ни в духов, ни в мёртвых, что ходят по берегу. Но мой брат был здесь. И если ты видела его — ты скажешь мне, что с ним случилось.

Она смотрела на него долго.

— Ты правда не веришь?

— Нет.

— Тогда зачем пришёл ночью?

Вопрос был точный.

Он не ответил.

Она чуть склонила голову.

— Днём вы смелые. Говорите, что всё это глупости. А ночью приходите сюда и слушаете.

— Я пришёл не слушать, — жёстко сказал он. — Я пришёл за ответом.

Она шагнула ближе к воде.

— Ответы редко нравятся.

— Я сам решу.

Она провела пальцами по поверхности реки.

И вода снова дрогнула.

Но теперь иначе.

Глубже.

Как будто под гладью что-то шевельнулось.

Мирослав сделал ещё шаг — уже почти неосознанно.

— Он был здесь, — тихо сказала она. — Стоял там, где стоишь ты.

— И?

— Сначала молчал. Потом начал слушать.

— Что?

Она не сразу ответила.

— Голос.

— Чей?

Она подняла взгляд.

— Его.

— Чей — его?

— Того, кто зовёт.

Мирослав резко вдохнул.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Тогда говори прямо.

Она смотрела на него спокойно.

— Река не берёт силой.

Он нахмурился.

— Что это значит?

— Она зовёт.

— И человек идёт?

— Да.

— Сам?

— Да.

Мирослав сжал кулаки.

— Бред.

Она не обиделась.

— Ты тоже слышишь.

Он замер.

— Нет.

— Ещё нет, — поправила она.

Тишина.

И вдруг

Он почувствовал.

Сначала — едва.

Как будто где-то в глубине сознания кто-то провёл ногтем по стеклу.

Звук.

Или не звук.

Скорее — ощущение.

Тянущее.

Знакомое.

Неправильное.

Мирослав резко выдохнул и шагнул назад.

— Нет.

Она смотрела на него внимательно.

— Вот видишь.

Он покачал головой, будто отгоняя наваждение.

— Это усталость.

— Конечно, — тихо сказала она.

Он снова посмотрел на неё.

— Ты была здесь, когда он ушёл?

Она кивнула.

— Я всегда здесь.

— Он что — утонул?

Она не ответила.

— Отвечай!

В её глазах мелькнуло что-то похожее на боль.

— Он пошёл к воде.

— И?

— И не остановился.

Мирослав застыл.

— Ты пыталась его остановить?

Она опустила взгляд.

— Я не могу.

— Почему?

Она не ответила.

Он сделал ещё шаг.

— Ты могла закричать. Могла схватить. Могла—

— Я не могу, — повторила она тихо.

И в этих словах была правда.

Такая простая и тяжёлая, что спорить с ней было бессмысленно.

Мирослав долго молчал.

Потом спросил:

— Он что-то сказал?

Она задумалась.

— Да.

— Что?

Она подняла глаза.

— Что его зовут домой.

Мирослав резко отвернулся.

Провёл рукой по лицу.

Сжал кольцо в ладони.

— У него не было здесь дома, — глухо сказал он.

— Был, — тихо ответила она.

Он повернулся к ней.

— Где?

Она посмотрела на воду.

— Там.

И в этот момент поверхность реки снова дрогнула.

Но теперь сильнее.

Как будто под ней кто-то двигался.

Медленно.

Целенаправленно.

Мирослав почувствовал, как по спине проходит холод.

— Это ты делаешь? — спросил он.

— Нет.

— Тогда кто?

Она смотрела на воду.

— Он.

— Кто — он?!

Она не ответила.

И вдруг

Тот самый звук вернулся.

Теперь яснее.

Не словами.

Но смыслом.

Тянущим.

Знакомым.

Близким.

Мирослав замер.

Грудь сжало.

И в этой тишине он вдруг понял:

если сделает ещё шаг — уже не остановится.

Он резко отступил назад.

Глубоко вдохнул.

— Нет, — сказал он вслух.

Девушка посмотрела на него.

И впервые в её взгляде появилось что-то живое.

— Значит, ты сильнее.

Он усмехнулся, но устало.

— Или упрямее.

Она чуть кивнула.

— Это иногда одно и то же.

Он сделал шаг назад.

Потом ещё один.

Не отводя от неё взгляда.

— Я вернусь, — сказал он.

— Ты уже вернулся, — тихо ответила она.

Он развернулся и пошёл к лесу.

Не быстро.

Но и не медленно.

Как человек, который понимает:

он только что увидел нечто такое, от чего уже не отступить.

За спиной осталась река.

И девушка у воды.

И тишина, которая была громче любого крика.

Глава 3

Следы, которых нет

Утро на севере не приходит — оно выцветает из ночи.

Сначала небо теряет глубину, становится серым, как зола. Потом исчезают звёзды. Потом проступают очертания деревьев, крыш, дороги. И только спустя время человек понимает: уже светло.

Мирослав не спал.

Он сидел у окна, не раздеваясь, с самого возвращения с реки. В избе было тихо, только изредка потрескивала печь да где-то в сених скрипела дверь от ветра.

Он не думал — он прокручивал.

Каждое слово.

Каждое движение.

Её взгляд.

И тот звук.

Не голос — хуже. Потому что не за что было ухватиться, нельзя было сказать: «мне показалось». Это не было похоже на бред, на усталость или страх. Это было знакомо.

Слишком.

Он провёл ладонью по лицу и встал.

Сидеть дальше было бессмысленно.

Если Яромир действительно пошёл в реку — значит, нужно найти место, где это произошло.

Если он не пошёл — значит, кто-то врёт.

А если правду сказала она
значит, искать придётся не только следы на земле.

Деревня просыпалась неохотно.

Когда Мирослав вышел на улицу, люди уже были — но тихие, будто старались не разбудить что-то лишнее. Старуха у колодца опустила ведро и, увидев его, отвернулась быстрее, чем

это делают из простого нежелания разговаривать. Мужик у сарая делал вид, что занят делом, хотя топор в его руках не двигался.

Они знали.

И не хотели говорить.

Мирослав не стал задерживаться.

Он пошёл к реке.

Днём дорога туда выглядела иначе.

Лес уже не давил так, как ночью. Между деревьями было видно дальше, ветви не казались руками, тянущимися к плечам. Но ощущение чуждости никуда не делось — наоборот, стало чётче, яснее.

Как будто при свете стало видно то, что ночью пряталось.

Река открылась сразу.

Та же.

Чёрная.

Неподвижная.

И всё такая же тихая.

Мирослав остановился на том же месте, где стоял ночью.

Теперь здесь не было её.

Только следы.

Он присел на корточки, внимательно рассматривая землю.

Грязь у берега была мягкой, напитанной водой. Любой, кто подходил к реке, оставлял бы отпечатки.

Следы были.

Мужские.

Крупные.

Один человек.

Он медленно провёл пальцем по одному из отпечатков.

Свежие — но не сегодняшние. Уже чуть осели, края размыло влагой.

— Яромир — тихо сказал он.

Следы шли к воде.

Ровно.

Без суеты.

Без борьбы.

Без попытки остановиться.

Как будто человек просто шёл и не думал о том, что впереди.

Мирослав встал.

Прошёл по следу дальше.

К самому краю.

И там

Следы обрывались.

Не расплывались.

Не сбивались.

Не уходили в сторону.

Просто исчезали.

Он долго стоял, глядя на это место.

— Значит, правда — сказал он негромко.

Ветер прошёлся по воде.

И на мгновение поверхность дрогнула.

Мирослав резко поднял голову.

Ничего.

Только отражение неба.

Но теперь он знал: это не просто вода.

Он выпрямился и медленно отошёл от берега.

Обратно в деревню он шёл медленнее.

Теперь он не просто искал — он проверял.

Кто врёт.

Кто молчит.

И кто боится.

Он остановился у первого же двора, где стоял тот самый мужик с хворостом, которого он видел вчера.

Тот поднял глаза — и сразу понял, что уйти не получится.

— Ты видел его, — сказал Мирослав без приветствия.

Мужик помялся.

— Кого?

— Не начинай.

Тот тяжело вздохнул.

— Видел.

— Когда?

— Вечером. Перед тем как стемнело.

— Один?

— Один.

— Он говорил с кем-нибудь?

Мужик покачал головой.

— Сам с собой будто.

— Что говорил?

— Не разобрал.

Пауза.

— Куда пошёл?

Мужик посмотрел в сторону реки.

— Туда.

— И ты его отпустил?

Мужик резко посмотрел на него.

— А что я должен был сделать? — в голосе впервые появилась резкость. — Связать? Удержать? Тут каждый сам за себя отвечает.

— Здесь люди пропадают, — сказал Мирослав. — И никто ничего не делает?

Мужик усмехнулся криво.

— Делали.

— И?

— Кто делал — тех потом тоже не стало.

Тишина.

— Значит, просто ждёте? — спросил Мирослав.

— Ждём, — спокойно ответил тот. — Или уезжаем.

— А ты?

Мужик пожал плечами.

— Мне некуда.

Мирослав кивнул.

И пошёл дальше.

Он обошёл ещё три двора.

Ответы были похожи.

Видели.

Знали.

Боялись.

Никто не вмешивался.

Никто не пытался остановить.

И никто не говорил лишнего.

Кроме одного.

Старуха у крайней избы сидела на лавке, грея руки о кружку. Она не отвела взгляд, когда Мирослав подошёл.

— Ищешь? — спросила она.

— Да.

— Нашёл?

— Следы.

Она кивнула.

— Значит, не соврали.

— Кто «мы»?

Старуха усмехнулась.

— Те, кто ещё остался.

Мирослав сел напротив.

— Скажи прямо. Что это за место?

Она долго молчала.

Потом тихо сказала:

— Здесь не река.

Он нахмурился.

— А что?

— Граница.

— Между чем?

Старуха посмотрела на него странно — как на человека, который уже почти понял, но всё ещё сопротивляется.

— Между тем, где ты есть и тем, где тебя больше нет.

Мирослав молчал.

— И люди туда уходят?

— Если их зовут.

— Кто?

Она отвернулась.

— Лучше не знать.

— Мне уже поздно «не знать».

Старуха вздохнула.

— Тогда слушай. Не всякий слышит. Только те, у кого внутри что-то треснуло.

Он резко поднял глаза.

— Что это значит?

— Потеря, — сказала она просто. — Боль. Пустота. То, что делает человека открытым.

Он сжал зубы.

— И тогда река их забирает?

— Нет.

Она посмотрела прямо на него.

— Тогда они сами идут.

Тишина.

Мирослав встал.

— А она?

Старуха прищурилась.

— Кто?

— Девушка у воды.

Старуха долго молчала.

И впервые в её глазах мелькнул страх.

— Ты её видел?

— Да.

— Тогда ты уже не просто ищешь брата, — сказала она тихо. — Ты идёшь туда же.

— Кто она?

Старуха покачала головой.

— Не человек.

— Тогда что?

— Память, — ответила она. — Или ловушка. Или то, что осталось.

Мирослав не понял.

— Чьё осталось?

Старуха не ответила.

Он больше не стал спрашивать.

Когда он вернулся к своей избе, солнце уже поднялось выше, но теплее не стало.

Он остановился у двери.

Долго стоял, не входя.

Потом тихо сказал:

— Яромир, если ты ещё где-то есть подожди.

И вошёл.

Но он уже знал:

ждать придётся не брату.

А ему.

Глава 4

Вторая ночь

День тянулся медленно, как сырой дым над печной трубой. Вроде бы что-то происходило — скрипели двери, лаяли собаки, кто-то носил воду, где-то кололи дрова, — но для Мирослава всё это было только фоном. Настоящее движение шло внутри него. Не суета, не страх, а то тяжёлое, сосредоточенное состояние, которое приходит перед дракой, когда ещё ничего не началось, но тело уже всё понимает и собирается в тугой узел.

Он сидел на лавке у окна и точил нож. Не потому, что лезвие того требовало. Просто рукам нужно было дело, иначе мысли начинали ходить по кругу. А круг был один и тот же: река, следы, обрыв, старуха с её странными словами и девушка, которая стояла у воды так спокойно, будто весь этот берег принадлежал ей не меньше, чем собственное тело человеку.

Яра.

Он мысленно произнёс её имя, и тут же ощутил раздражение — не на неё даже, а на себя. Имя задержалось в нём слишком легко. Чужое. Неясное. Опасное. Слишком красивое для того, что он видел ночью.

Он отложил нож и посмотрел в окно. На улице серело раньше обычного. Небо вновь затянуло тяжёлыми тучами, лес за избами казался ещё темнее, чем днём, а река, хотя отсюда её не было видно, всё равно будто присутствовала — холодом в воздухе, странной сыростью, идущей не от земли, а словно из-под неё. Мирослав не любил места, где не видно врага. Ещё меньше он любил места, где неясно, враг ли перед тобой вообще.

В дверь негромко постучали.

Он поднялся сразу.

На пороге стояла Пелагея. В руках у неё была миска с горячей похлёбкой и ломоть чёрного хлеба.

— Есть будешь? — спросила она.

— Буду, — коротко ответил Мирослав и отступил, пропуская её.

Пелагея поставила миску на стол и, как вчера, не ушла сразу. Стояла, теребя угол платка, будто решая, говорить или нет.

— Ты сегодня к реке ходил, — сказала она наконец.

Это не был вопрос.

— Ходил.

— И ночью снова пойдёшь.

На этот раз он посмотрел на неё прямо.

— Почему так думаешь?

Пелагея вздохнула.

— Потому что у тех, кто один раз с ней говорил, лица потом одинаковые.

— С кем — с рекой? — усмехнулся он.

— Не с рекой.

Она подняла на него глаза.

— С той, что у воды.

Мирослав не стал отрицать.

— Что ты о ней знаешь?

Пелагея долго молчала. Потом села на край лавки у двери, сложив руки на коленях.

— Ничего такого, что помогло бы тебе, — сказала она. — И слишком много такого, чего я не хотела бы знать.

— Всё равно говори.

Она посмотрела на миску, из которой ещё поднимался пар.

— Ещё до моей свадьбы её видели. И при матери моей видели. И до того. Всегда по весне. Когда лёд сходит, а вода просыпается голодной. Одни говорили — девка утопая. Другие — речная нечисть. А старые бабы шептали, что это не она людей забирает. Что она сама тут не по своей воле.

Мирослав нахмурился.

— Что значит — не по своей воле?

— Не знаю, — резко сказала Пелагея. — И знать не хочу. Здесь лучше не разбирать то, что старше человека. Меньше понимаешь — дольше живёшь.

Он взял ложку, но есть не начал.

— Ты её сама видела?

Пелагея очень медленно кивнула.

— Один раз. Давно. Мне тогда семнадцать было. Дурная была, смелая. Пошла ночью бельё снимать с верёвки — ветер налетел, я и побежала, пока не намокло. И услышала, как будто кто-то плачет у воды.

Она замолчала, сглотнула.

— Подошла ближе. И увидела её. Стоит босая, платье мокрое, волосы чёрные, до самого пояса. Лицо белое-белое, а глаза не мёртвые. Вот что самое страшное. Не как у покойницы. Как у живой. Только очень печальные.

Мирослав медленно поднял взгляд.

— Она с тобой говорила?

— Нет. Просто смотрела. А потом сказала одно: Не подходи. И я, слава богу, тогда умная оказалась — убежала.

— И всё?

— Всё, — ответила Пелагея. — Только после того ещё три ночи спать не могла. Всё казалось, что она у окна стоит.

Тишина опустилась между ними.

— Почему никто не уходит отсюда? — спросил Мирослав.

— А куда? — тихо ответила Пелагея. — Тут могилы наши. Земля наша. Скот, дома. Люди много с чем жить умеют, Мирослав. Даже со страхом, если он старый и к нему привыкли.

Он снова взял ложку и сделал несколько быстрых глотков. Похлёбка была горячая, солёная, обыкновенная. И от этого почему-то особенно ясно стало, насколько всё остальное здесь ненормально.

— Ты знаешь, где именно он ушёл? — спросил он, не уточняя, о ком речь.

Пелагея поняла.

— У старой ивы.

— Это где?

— Если по берегу от деревни вниз идти, там берег изогнётся, а над водой — ива, половина корней наружу. Люди говорят, там чаще всего и слышно.

Он кивнул.

Пелагея встала.

— Не ходи.

Он не ответил.

Она посмотрела на него с той усталой безнадёжностью, которая бывает у взрослых на лицах, когда они видят, что человек уже всё решил.

— Тогда хотя бы не слушай, — сказала она. — Что бы ни было — не слушай.

Когда дверь за ней закрылась, Мирослав ещё долго сидел неподвижно. Потом доел, поставил миску на стол и поднялся.

Он понимал, что идёт не за ответом. Ещё нет. Ответов у реки не бывает. Она не объясняет, она только тянет. Но если Яромир действительно был у ивы, если именно там он исчез, то начинать надо оттуда.

К сумеркам ветер усилился. По крыше застучал мокрый снег, но быстро сменился дождём — редким, холодным, с острыми каплями. Мирослав ждал, пока в избе совсем стихнет. Не от осторожности — просто не хотел, чтобы Пелагея видела, как он уходит.

Наконец он встал, надел плащ, взял нож и, поколебавшись, оставил лук. В лесу ночью он будет только мешать. Зато топор, после короткой мысли, всё же сунул за пояс. Не потому, что ждал зверя. Просто с чем-то в руках человек чувствует себя ближе к земле и дальше от собственных дурных мыслей.

На улице уже было почти темно. Дождь моросил едва заметно, и в этом была своя подлость: всё вокруг быстро становилось мокрым, но будто бы не сразу. Мирослав шёл знакомой тропой к реке, не торопясь, запоминая каждый поворот, каждый низкий куст, каждый корень, торчащий из земли. Он привык полагаться на память тела. Особенно там, где разуму доверять не следовало.

Река открылась ему не сразу — сначала он услышал её. На этот раз звук был. Очень тихий, почти как шёпот ткани по камню. Потом между деревьями блеснула вода. Луна скрывалась за облаками, и берег был темнее, чем прошлой ночью. Только туман над водой светлел, словно сам излучал бледный мёртвый свет.

Мирослав пошёл вниз по течению.

Ива нашлась быстро. Огромная, старая, с перекошенным стволом, почти легшим набок. Корни, и правда, вылезли наружу и цеплялись за берег, будто костлявые пальцы. Под ней земля была мягче, и даже в темноте он различил, что здесь много раз ступали ногами.

Он присел, провёл ладонью по грязи.

Следы.

Старые.

Новые.

Мужские.

И поверх них — что-то ещё.

Слишком лёгкое, чтобы быть чётким следом. Как будто кто-то босиком касался земли, но не вдавливал её по-настоящему.

Мирослав медленно выпрямился.

— Выходи, — сказал он в темноту.

Ничего.

Только капли с ветвей.

— Я знаю, что ты здесь.

Тишина длилась ровно столько, чтобы он понял: она и правда здесь.

— Ты упрямее, чем твой брат, — прозвучал голос справа.

Он резко обернулся.

Яра стояла в нескольких шагах, прислонившись плечом к стволу ивы. Он не слышал, как она подошла. Не видел, откуда взялась. Просто в одно мгновение её не было — а в другое она уже стояла там, как будто всегда была частью этого дерева, этой тьмы, этой реки.

Сегодня на ней было другое платье — тёмное, мокрое по подолу, облегающее тонкую фигуру. Волосы, тяжёлые от влаги, лежали по груди и спине чёрными лентами. В темноте лицо её казалось ещё бледнее, а глаза — ещё глубже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.